

Глава 6

ЭКВАДОР

Закончив экскурс в историю Центральных Анд, обратимся к более северным территориям — так называемой «промежуточной области» между цивилизациями Мезоамерики и Перу. Она по праву считается зоной распространения типичных вождеств, от самых простых до самых сложных, и служит своего рода лабораторией для исследования догосударственных, или по крайней мере негосударственных сложных обществ [Ноорес 2005: 2]. Начнем с Эквадора (рис. 56).

Граница между Эквадором и Перу отделяет пустыни и оазисы перуанского побережья от районов, где регулярно выпадают осадки. Эта граница не препятствовала контактам культур, но для исследователей климатические различия между ареалами создают дополнительные проблемы. Во влажном климате не сохраняются ни дерево и ткани, ни обмазка стен. Сравнивать трудовые затраты на создание деревянных храмов с затратами на сооружение платформ из глины и камня непросто.

На побережье Эквадора признаки усложнения социополитической организации становятся заметны во второй четверти III тыс. до н.э., т.е. в то же время или немногим позже, что и в Перу. Речь идет о поселении Реаль-Альто культуры вальдивия (рис. 57 верхн.) [Damp, Vargas 1995; Lathrap et al. 1977; Staller 2001a: 215–217; Zeidler 2008: 463–464]. Вальдивия уже давно рассматривается как земледельческая культура, хотя первые исследователи ее прибрежных памятников полагали, что речь идет о морских собирателях. Поселение Реаль-Альто, занимавшее площадь более 12 га, тоже располагалось недалеко от моря, но в слое найдены обильные микроостатки культурных растений [Pearsall 2003: 224–226]. В центре поселения находилась площадь с двумя постройками, вероятно, имевшими общественно-культурное назначение, а по периметру располагались жилища.

По структуре и, вероятно, числу обитателей (вряд ли более тысячи) Реаль-Альто похоже на кольцевые деревни центральной Бразилии, появившиеся в IX в. н.э. и до сих пор сохранившиеся

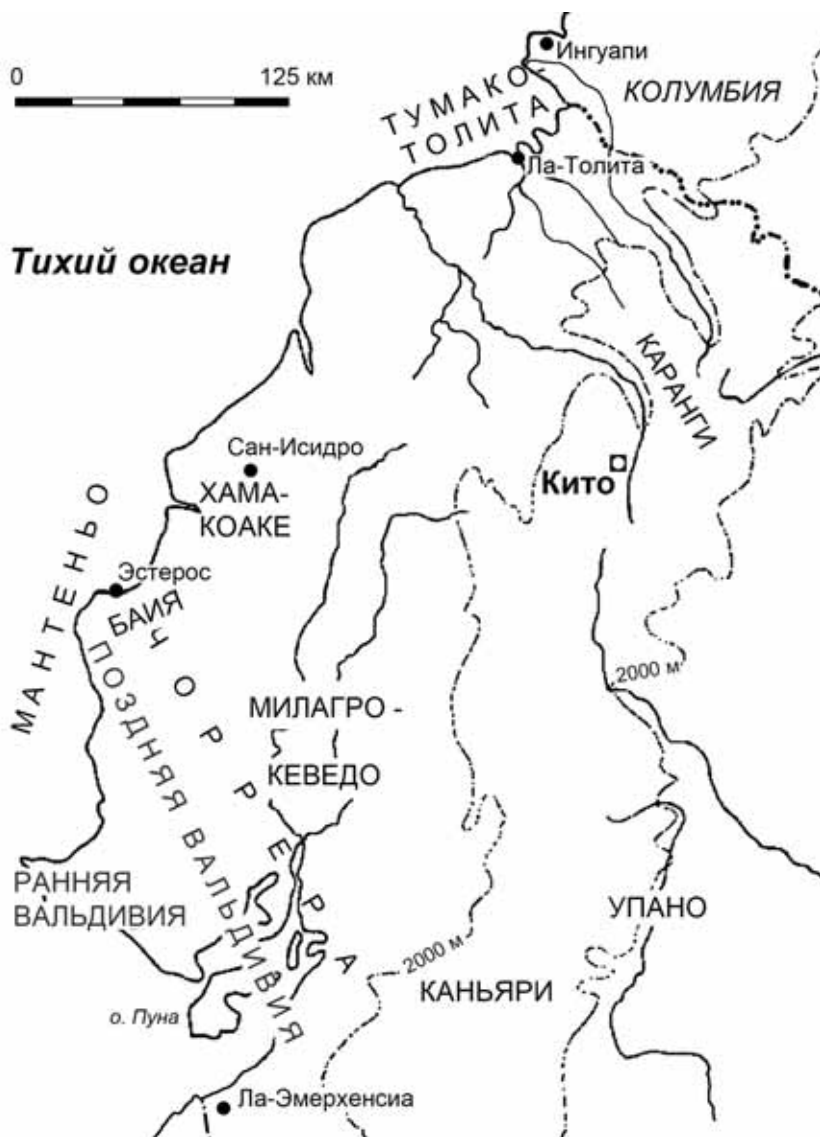

Рис. 56. Упомянутые в тексте культурные общности и некоторые памятники прибрежного и горного Эквадора

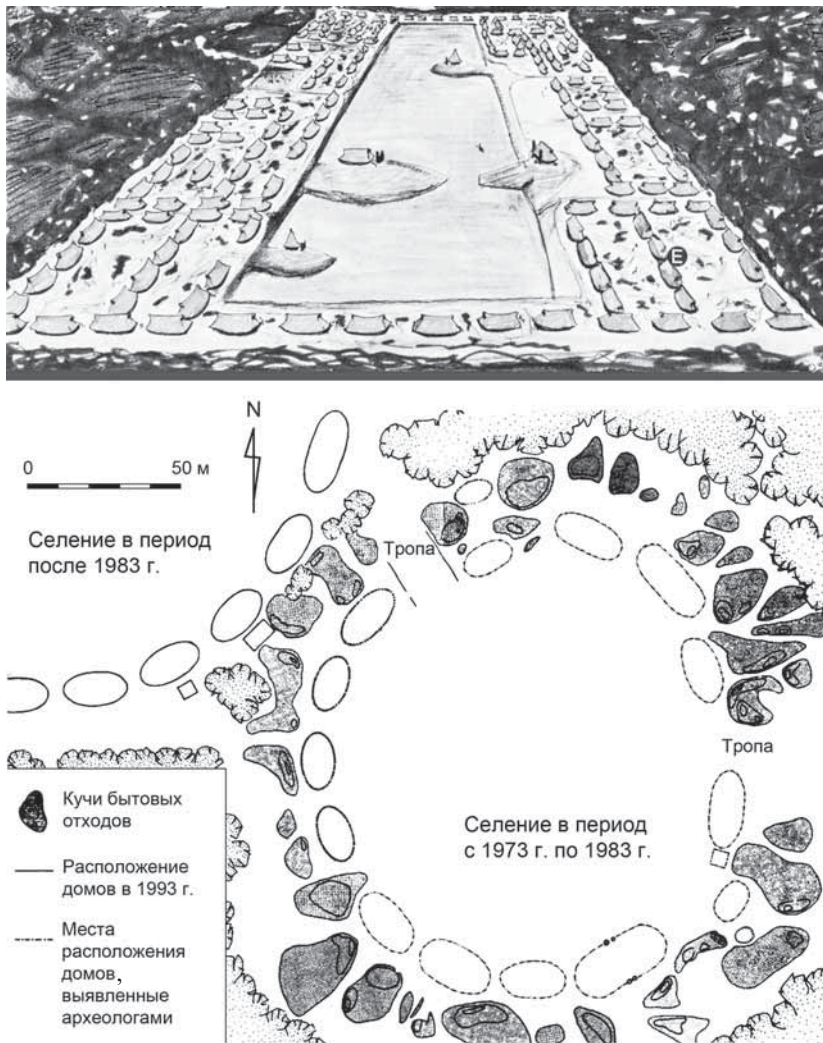

Рис. 57.

Вверху: идеализированная реконструкция поселения Реаль-Альто, вторая четверть III тыс. до н.э., по [Lathrap et al. 1977: 6].

Внизу: план современного селения карибов куйкуру в верховьях Шингу, по [Heckenberger et al. 1999, fig. 4]

у индейцев верховьев Шингу (рис. 57 нижн.) [Heckenberger 2008; Heckenberger et al. 1999; Wust, Barreto 1999]. Общество шингуано можно оценить как среднесложное, но состоящее не из вождеств, а из их однопоселенческих аналогов, образующих конфедерацию. Пока трудно сказать, есть ли на западе Эквадора другие синхронные Реаль-Альто поселения того же размера. После 2400 до н.э. большая часть обитателей покинула Реаль-Альто, перебравшись в небольшие деревни, но свои общественно-культурные функции центральное поселение некоторое время еще сохраняло.

Территория вальдивии, которую она занимала в III тыс. до н.э., в конце существования культуры лишилась большей части обитателей, но к середине II тыс. новые центры возникли на северной и южной периферии ареала вальдивии [Staller 2001b; Zeidler 2008: 464]. На севере это поселение Сан-Исидро в долине Хама, а на юге — Ла-Эмерхенсиа в провинции Эль-Оро близ перуанской границы (рис. 56, 58). Вокруг Ла-Эмерхенсиа выявлены окружающие центральное поселение деревушки и хутора, что характерно для объединений уровня простых вождеств.

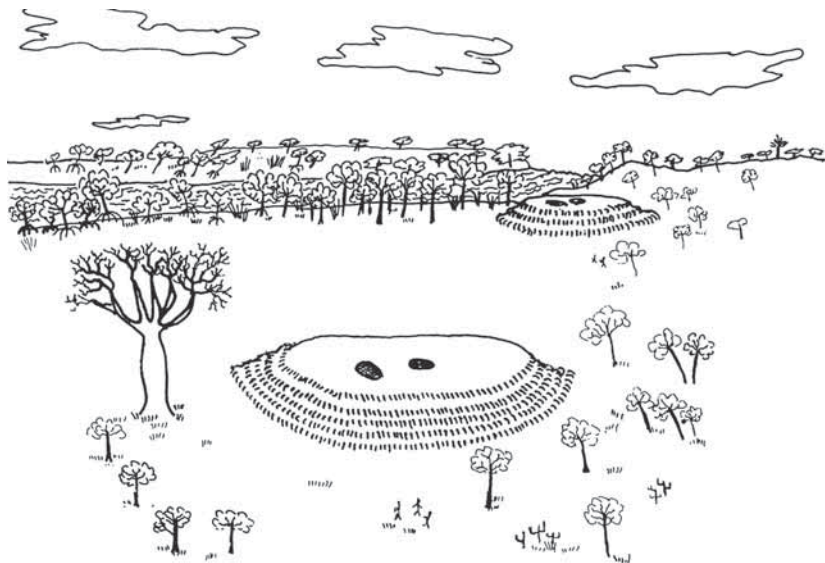

Рис. 58. Идеализированная реконструкция земляных платформ в Ла-Эмерхенсиа, юг побережья Эквадора, середина II тыс. до н.э., по [Staller 2001b, fig. 14]

С конца II тыс. до н.э. в Эквадоре распространяется культура чоррера. Она отличается поразительно высоким качеством керамики — не только парадной, украшенной фигуративными скульптурными изображениями, но и бытовой. Обширная территория распространения чорреры предполагает, что ее носители не были представителями какой-то одной этнической группы. Скорее это трансэтническая общность, объединенная сходными шаманистскими практиками, нашедшими отражение в сходных наборах погребального инвентаря [Weinstein 1999: 300]. В чоррере существовали не менее крупные центры с общественной архитектурой, чем в поздней вальдивии, однако данных о них мало (карты 7, 8 на рис. 77) [Zeidler 2008: 470]. Многие свидетельства в пользу наличия сложной политической организации в обществах Эквадора в промежутке времени от середины III до середины I тыс. до н.э. наверняка еще предстоит открыть. Местные культуры обнаруживают различные параллели с культурами северного Перу. Во время ритуалов, как уже отмечалось, использовали галлюциногены, о чем свидетельствуют находки ступок из ценных пород камня, в которых, по-видимому, растирали наркотик (рис. 19.2) [Zeidler 2008, fig. 24.8]. Изделия из золота не найдены, ткани же не могли сохраниться.

В середине I тыс. до н.э. на западе Эквадора культурное разнообразие становится выше, зона распространения сложных обществ расширяется. Наиболее значительная из культур, возникших в это время, — уже упоминавшаяся толита, или ла-толита (карта на рис. 56). В наименовании культуры мы опускаем артикль, а в наименовании главного поселения — сохраняем (Ла-Толита). В сопредельном районе Колумбии та же культура известна как тумако. Словом *tola* (от которого и происходит уменьшительное *tolita*) в Эквадоре именуют искусственные всхолмления. Среди древних тола есть как настоящие телли, состоящие из постепенно накапливавшихся культурных отложений, так и земляные платформы, насыпанные одномоментно либо в несколько приемов. Наличие крупных тола второго типа — один из признаков сложных обществ.

Культура толита возникла в поймах и общей дельте рек Сантьяго и Каяпас, впадающих в Тихий океан на северо-западе Эквадора, и в дельте реки Сан-Хуан в Колумбии. Толита контролировала примерно 100 км тихоокеанского побережья, зона влияния могла быть втрое шире. Судя по опубликованным планам (рис. 59 лев.), эпонимное поселение на острове в устье Сантьяго-Каяпас, где

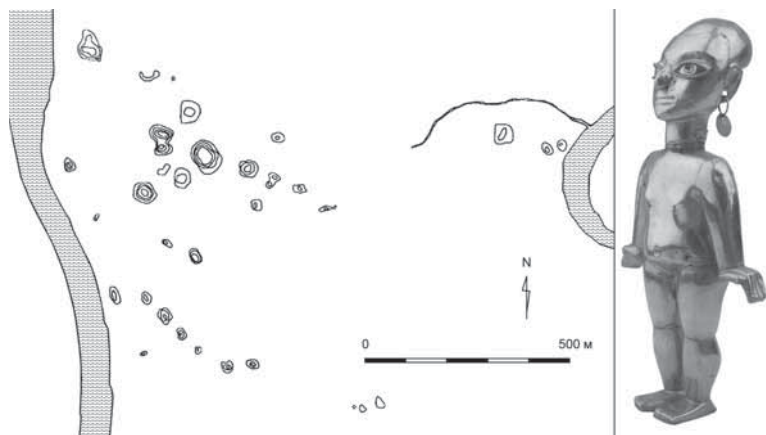

Рис. 59.

Слева: план расположения насыпей-тола в Ла-Толите, по [Tulato 2003, fig. 100]. С запада и с востока — протоки реки Сантьяго.

Справа: золотая статуэтка культуры толита из Фриас в верховьях Пьюры, высота 15,3 см, по [Lumbreras 2006, fig. 52]

сосредоточены крупные тола, занимало 40–50 га, но определить численность обитателей невозможно — не ясно, сколько всхолмлений сохранилось, все ли тола функционировали одновременно и находились ли жилые постройки исключительно на искусственных насыпях. В любом случае Ла-Толита должна была быть центром политики, занимавшей территорию размером примерно 40×30 км [DeVoer 1996; Drennan 2008: 389; Rodríguez, Pachajoa 2010]. В период с VI до II в. до н.э. население здесь росло особенно быстро, с IV в. до н.э. болота стали превращать в грядковые поля, сложное общество сформировалось к III в. до н.э. Примерно в середине IV в. н.э. культура толита распалась. Еще через несколько веков район практически обезлюдел и до самой конкисты оставался на периферии культурного развития Северных Анд.

Другого поселения, размером сопоставимого с Ла-Толитой, в этой культуре нет. Примером поселения второго ранга служит Ингуапи на колумбийской территории [Bouchard 1987; Labbé 1986: 22–23]. Здесь на площади около 1 га выявлены 9 небольших всхолмлений высотой менее 1 м и одно крупное высотой 2,5 м. Поселения третьего ранга представлены мелкими деревушками и хуторами, но они специально нигде не исследовались.

Помимо великолепной фигурной керамики, мастера культуры толита делали вещи из золота и платины [Plazas 2007: 35; Scott David 2011]. Как и мочика, толита развивала традиции обработки металлов, заложенные в североперуанской культуре куписнике. Далее и, вероятно, при посредстве толиты эти традиции проникли в Колумбию и затем в Центральную Америку. Ни в одной другой эквадорской культуре ювелирное дело не достигло такого расцвета, как в толите. Мастера-профессионалы практически наверняка работали под контролем элиты, но конкретный культурный контекст, в котором использовались золотые фигурки, нам неизвестен. На севере побережья Перу в верховьях Пьюры в районе Фриас, т.е. за 750 км от ареала толиты, золотые изделия толиты были извлечены из земли грабителями (рис. 59 прав.) [Kaufmann Doig 1980: 347–348]. Располагался ли здесь торговый форпост, храмовый центр или что-то еще, не ясно, но для Северных Анд подобная удаленная «колония» уникальна.

Учитывая эти контакты с севером побережья Перу, нельзя не заметить, что расцвет толиты приходится на период после оставления храма Чавин-де-Уантар и других перуанских общественно-культурных комплексов первой половины I тыс. до н.э. и до возвышения Уакас-де-Моче как политического центра культуры мочика. Если толита и пережила это событие, то лет на 100–150, точная корреляция затруднительна. Видимо, в качестве центра, влияние которого достигало Перу, толита завоевала позиции в период политической дезинтеграции прилегающих к Эквадору районов Центральных Анд.

Примерно в то же время, что и толита, южнее ее, в современной провинции Манаби на побережье Эквадора, существовало общество близкого уровня, соответствующее культурам баия и хама-коаке (карта на рис. 56). Их создатели сооружали земляные платформы и делали крупные трехмерные керамические изображения мифологических персонажей и людей высокого социального ранга (рис. 60 лев.) [Blasco Bosqued, Ramos 1976; Masucci 2008; Zeidler et al. 1998]. Около 400 н.э. развитие этих обществ было подорвано катастрофическим выпадением вулканического пепла [McEvan, Delgado-Espinosa 2008: 506–507; Stahl 2000; Zeidler, Isaacson 2003]. Эстерос, центральное поселение культуры баия, находилось на месте современного города Манта. Судя по схематическому плану, сделанному до того, как памятник оказался разрушен, поселение

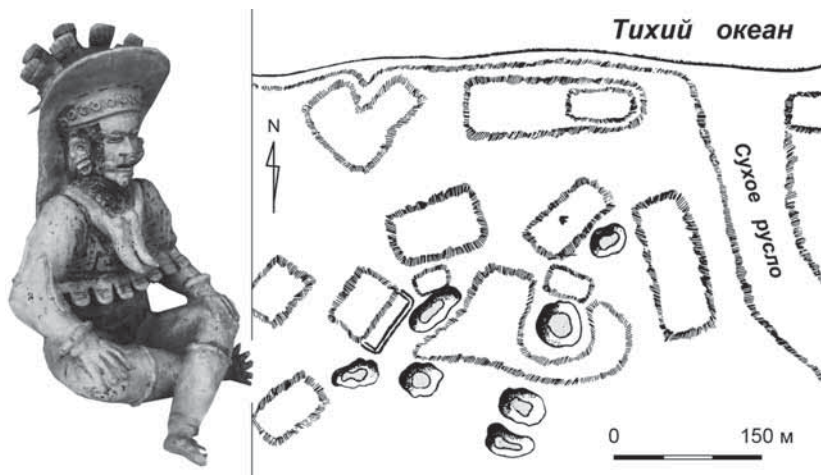

Рис. 60. Культура баия.

Слева: керамическая фигура богато украшенного сидящего мужчины, по [Masucci 2008, fig. 25.4].

Справа: план поселения Эстерос — крупнейшего центра культуры баия, конец I тыс. до н.э. — первые века нашей эры. Показаны земляные платформы и котлованы для сбора дождевой воды, по [Estrada 1962, fig. 116]

Эстерос было того же размера и типа, что и Ла-Толита (рис. 60 прав.). Строения располагались на больших искусственных насыпях, рядом находились котлованы для сбора дождевой воды, которую использовали в сухой сезон [Estrada 1962: 71–72, fig. 116]. Поблизости найдены сотни пустотелых раскрашенных керамических скульптур полуметровой высоты, изображающих сидящих и стоящих мужчин и женщин с многочисленными украшениями [Lapiner 1976: 334, pl. 739–742, 747, 750].

Культура мантенью появилась на юге провинции Манаби в последней четверти I тыс. н.э. и просуществовала до конкисты (рис. 61 лев.). О двух местных вождествах, Хокай (Манта) и Салангоме (Салангоне), есть историческая информация, но не менее важны данные археологии. Только у берегов Манаби встречаются раковины *Spondylus*, имевшие в культурах Центральных Анд исключительно высокую ценность, поскольку их использовали в ритуалах, призванных обеспечить плодородие полей. Эквадорские раковины в Перу появляются с III тыс. до н.э. [Nocquenghem 2009: 144–145], а после 600 н.э. их импорт значительно растет. Возвыше-

ние Манты и особенно Салангоме, по-видимому, произошло вследствие расширения перуанского рынка [Martín 2009]. При этом обработкой раковин обитатели Манаби сами занимались нерегулярно, и наличие ремесленников-профессионалов в соответствующих обществах материалами археологии не подтверждается [Norton 1986: 118–136, 156–157]. Керамические изделия мантеньо в художественном отношении уступают шедеврам мелкой пластики более ранних культур. Специалисты по обработке драгоценных металлов здесь, видимо, имелись, но предметов известно ничтожно мало, хотя конкистадоры видели в храмах золото.

Чтобы сделать отличия мантеньо от толиты еще более яркими, следует добавить, что создатели мантеньо высекали огромные каменные «троны» и стелы с изображениями мифологических персонажей [Saville 1910], тогда как в толите и других эквадорских культурах каменная скульптура отсутствовала. Стелы и «троны» найдены в культовых центрах рядом с земляными платформами (рис. 61). Лучше других исследовано скопление стел и «тронов» Серро-Хабонсильо, связанное с вождеством Салангоме (рис. 61 центр.). Все культовые центры расположены на удалении от побережья, примерно вдоль восточной границы распространения культуры.

Отсутствие золота в погребениях можно объяснить тем, что в обществе мантеньо ритуалы, обеспечивавшие наделение претендентов на властные позиции соответствующими прерогативами, происходили в связи с воздвижением монументальных каменных изваяний, тогда как захоронение в могилах сокровищ харизму предшественников элиты не повышало.

Для мантеньо характерны керамические пряслица с изображениями, каноничность исполнения и, главное, содержание которых предполагает их использование не в обычных домохозяйствах, а в специализированных элитарных мастерских [Wichler, Seibt 1982; Wilbert 1974]. В частности на пряслицах изображены не только животные, но и мифические существа, участники ритуалов, головы-трофеи и, наконец, сексуальные сцены типа тех, которые в Перу часто представлены на керамике культур мочика и салинар (рис. 62.4–6). Пряслица со сложными сценами характерны для юга мантеньо, где, по испанским источникам, жил народ уанкавилка, а на этой территории образцов каменной скульптуры как раз не зафиксировано. Тем не менее часть сюжетов на пряслицах и каменных монолитах совпадает (рис. 62.2, 3).

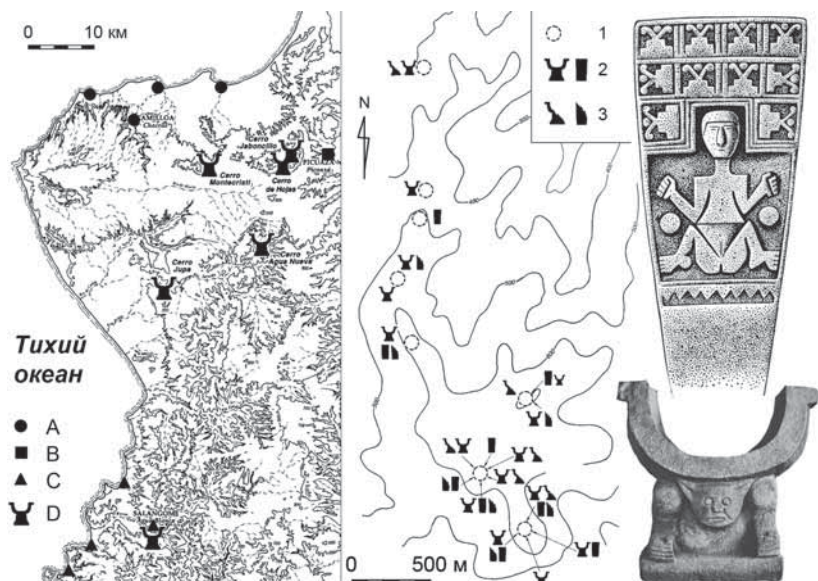

Рис. 61.

Слева: центральный район культуры мантеньо, по [McEwan, Delgado-Espinoza 2008, fig. 26.4]; А) крупные поселения вождества Хокай; В) центральное поселение вождества Пикуаса; С) крупные поселения вождества Салангоме; D) культовые центры мантеньо, на которых найдены каменные «троны».

В центре: комплекс Серро-Хабонсильо, связанный с вождеством Салангоме; 1) земляные платформы; 2) каменные стелы и «троны»; 3) обломки стел и «тронов». По [McEwan, Delgado-Espinoza 2008, fig. 26.3].

Справа: типичные стела и «трон» из Серро-Хабонсильо, по [Covarrubias 1954, fig. 5; Dockstader 1967, pl. 56]

Что касается голов-трофеев, то ранние испанские источники свидетельствуют о распространении на побережье провинции Манаби той же практики, что и у хиваро восточного Эквадора, — с отрезанной головы врага снимали мягкие ткани, из которых делали так называемую тсантсу величиной с кулак. Подобные тсантсы хранили в храмах [Stirling 1938: 63–65]. Весьма вероятно, что головы-трофеи небольшого размера в атрибутике вражеских воинов на изображениях мочика — это тоже тсантсы (рис. 16.2). Технология изготовления тсантсы весьма специфична, так что свидетельства о ее распространении в культурах андской зоны позволяют с неко-

Рис. 62. Изображения культуры мантенью, побережье Эквадора, 800–1500 н.э.

Все, кроме 3 и 8 — изображения на керамических пряслицах.

- 1) Персонажи, несущие рыбу и большой сосуд, — вероятно, ритуальная сцена, по [Wickler, Seibt 1984, Abb. 45, 47–49].
- 2) Мифическое существо, по [Wilbert 1974, fig. 33, 133].
- 3) Аналогичное существо, изображенное на каменной плите, по [Covarrubias 1954, fig. 5].
- 4–6) Сексуальные сцены, вероятно, также имеющие отношение к ритуалу, по [Wickler, Seibt 1984, Abb. 45, 47–49].
- 7) Голова-трофей, губы «защиты» двумя колочками (то же в ритуальной практике перуанской культуры наска), по [Wilbert 1974, fig. 33, 133].
- 8) Керамический штамп для нанесения оттисков, 17,5×14 см. Изображен человек, чье тело расклевывают стервятники (ср. рис. 40.2, 4 и 54.4); принадлежность к мантенью предположительна, по [Olsen Bruhns 1994, fig. 15.5]

торой вероятностью экстраполировать на древние общества этого региона данные о значении головы-трофея в идеологии хиваро.

На поселении Серро-де-Охас в районе уже упомянутого Серро-Хабонсильо грабителями был найден керамический штамп для нанесения оттисков [Estrada 1962, fig. 96, прорисовка по Olsen Bruhns: 1994, fig. 15.5]. На нем изображен человек, чье тело расклевывают стервятники (рис. 62.8). Не только содержание изображения, но и его композиция похожи на изображения мочика, наска

и чота-кутерво (рис. 40.2, 4 и 54.4). Предмет уникален, поскольку обычные штампы для нанесения изображений гораздо меньше по размеру. Стиль изображения ближе к мантеньо, но перуанские аналогии скорее указывают на время, соответствующее поздней баии. Если все же находка относится к мантеньо, то она свидетельствует об идеологической значимости соответствующего изобразительно-го сюжета на протяжении многих столетий.

Синхронная мантеньо культура милагро-кеведо в бассейне реки Гуаяс на юге Эквадора, по свидетельствам эпохи конкисты, представляла собой конфедерацию вожеств. Археологические данные об иерархии поселений и расположении искусственных насыпей это подтверждают [Delgado-Espinoza 2002]. Ни указаний на профессиональное производство изделий из керамики, раковин или металла, ни богатых захоронений здесь не встречено, хотя небольшие золотые украшения в могилах встречаются [Delgado-Espinoza 2002, appendix C, fig. 15]. Весьма вероятно, что ткани производили для обмена.

Для поздних культур южного Эквадора на севере Перу характерно использование металлических заменителей денег в виде топорков или тонких пластинок. Эта практика сошла на нет еще до инкского завоевания [Hosler et al. 1990; Ledergerber-Crespo, Tapia-Sarmiento 2010: 62–63], что логично объяснить гибелью культуры сикан в конце XIV в. н.э. Для сикан, как говорилось, были характерны примитивные деньги того же типа, что и для мантеньо. Связи с Перу не оборвались, но после завоевания всего Северного побережья государством Чимор внешний обмен был, вероятно, поставлен под контроль государства со столицей в Чан-Чане. Для инкского времени основные данные о морской торговле происходят из долины Чинча к югу от Лимы [Rostworowski de Díez Canseco 1970; Sandweiss 1988], а о контактах жителей Севера побережья с Эквадором сведений мало.

Таким образом, в пределах небольшой территории Эквадора между побережьем Тихого океана и Андами в относительно сходных ландшафтно-климатических условиях на протяжении более трех тысяч лет возникали и исчезали среднemasштабные общества, оставившие совершенно разные археологические проявления: сокровища в погребениях (толита), сложный фигуративный стиль, отраженный в изображениях на керамике и в мелкой пластике (чоррера, хама-коаке, баия), каменная скульптура (мантеньо), иерархическая

поселенческая структура (хорошо прослеживается для милагро-кеведо, но в той или иной мере характерна для всех, начиная с вальдивии). Заметных тенденций к образованию государственных институтов ни для одной культуры Эквадора не отмечено. Исключением могла быть толита, но о ней мы знаем меньше всего — памятники сильно разрушены в результате грабительских раскопок и земледельческого освоения территории.

В горном Эквадоре признаки усложнения политической организации появляются лишь во второй половине I тыс. н.э., а надежно о наличии сложных вождеств можно говорить с XIII в. Это как раз то время, когда в горных районах Боливии и Перу тоже происходило усложнение политических структур, сменившее период дезинтеграции. Если прибрежный Эквадор был включен в империю Инков во многом формально (археологически инкское присутствие там почти не ощущается), то горный Эквадор Инки рассматривали как неотъемлемую часть своей ойкумены. Наиболее развитыми являлись вождества южного Эквадора, созданные народом каньяри. Здесь находился очаг металлургии меди и, скорее всего, также золота. По крайней мере сто лет назад в этом районе были разграблены доинкские погребения со множеством золотых изделий [Bray 2008a; Ledergerber-Crespo, Tapia-Sarmiento 2010; Saville 1924].

К сожалению, информация о прошлом каньяри отрывочна. Лучше изучено вождество Кочаски на севере горного Эквадора — одно из главных в конфедерации Каранги. В Кочаски сохранились надмогильные курганы и 15 земляных платформ с пандусами [Bray 1992; 2008a; Oberem, Wurster 1989; Wurster 1979]. На платформах находились жилища знати или святилища (рис. 63). В целом горный Эквадор к моменту инкского завоевания представлял собой конфедерации вождеств, между которыми и внутри которых происходили вооруженные конфликты. Остатки укреплений многочисленны, но отделить построенные с целью обороны от инков от более ранних сложно.

Сложные общества восточного Эквадора и Амазонии в целом находятся за пределами нашей темы. Надо все же упомянуть поселения долины реки Упано, поскольку через них, вероятно, осуществлялся дальний обмен между горными районами и тропическими низменностями. Поселения района Упано расположены в зоне влажного леса, однако на значительной высоте (1200–1500 м над уровнем моря) и были открыты недавно [Salazar 2008]. Можно пред-

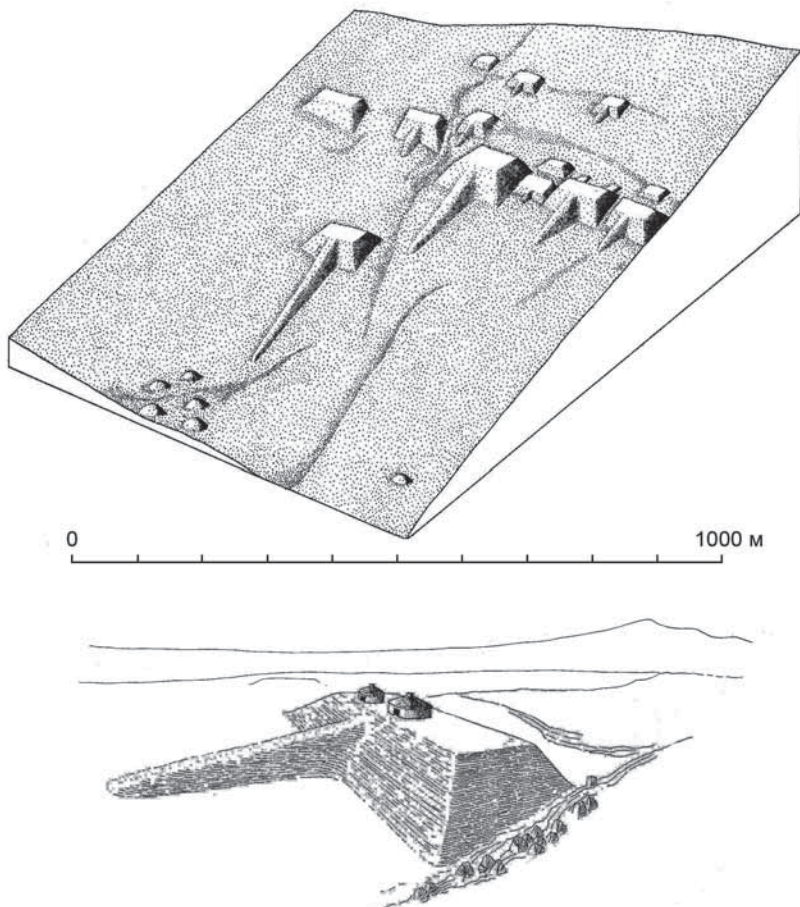

Рис. 63. Кочаски — центр одного из крупных вожеств культуры каранги на севере горного Эквадора, 1250–1500 н.э. Общий вид и платформа с реконструкцией находившихся наверху зданий, по [Wurster 1979, fig. 7, 41]

полагать, что в предгорьях Анд существовали и другие общества подобного типа, основанные не только на земледелии, но и на посредничестве в торговых контактах. Для поселений района Упано характерны дороги на насыпях и земляные платформы под здания. Длина некоторых достигает 100 м, ширина — 20 м и высота — 8 м [Salazar 2008: 266]. Платформы расположены по сторонам прямо-

угольных площадей, причем поселения явно возводились согласно какому-то плану, что само по себе предполагает централизованное принятие решений (рис. 64). Существование организации на уровне

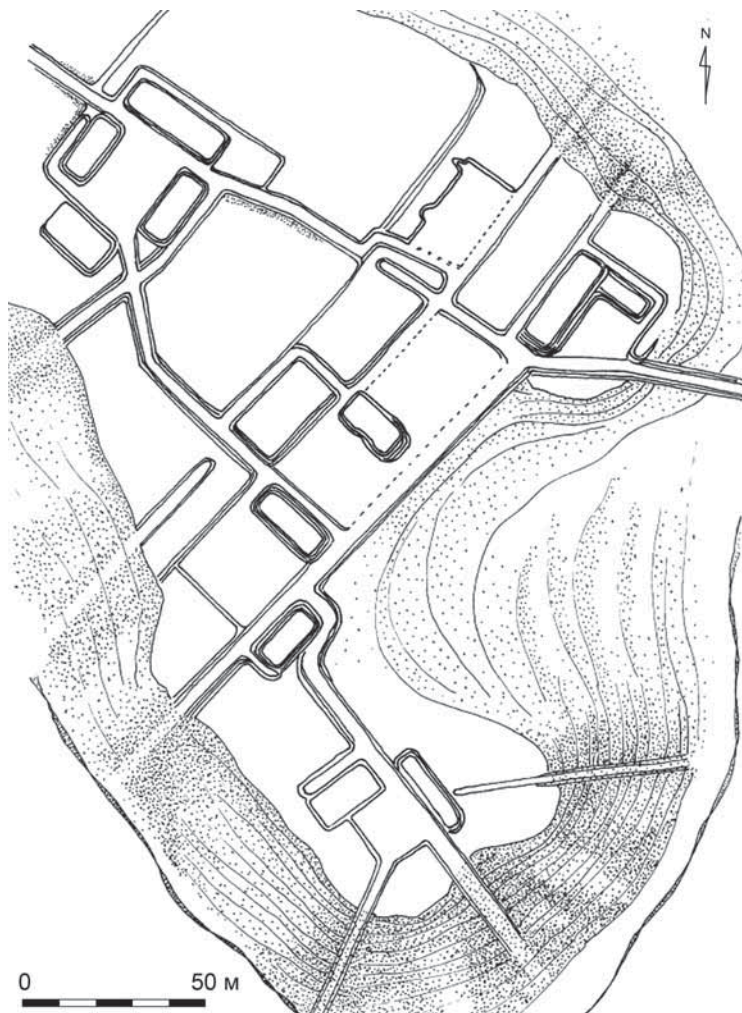

Рис. 64. План центральной части поселения Самагольи, одного из 70, выявленных в предгорьях эквадорских Анд на р. Упано. Для поселений этого района характерны земляные платформы в основании зданий, дороги на насыпях и заранее продуманная планировка, по [Salazar 2008, fig. 15.4]

простых вождеств не вызывает сомнений. С выводом о наличии сложных вождеств следует подождать, до того как будет выявлена вся поселенческая структура. Центр в долине Упано существовал на протяжении долгого времени — с середины или даже со второй четверти I тыс. до н.э. и до XIII в. н.э. Материалов предиспанского времени не найдено, а обнаруженная керамика относится к двум культурам, более ранняя из которых датируется 700 до н.э. — 400/600 н.э., а более поздняя — 700—1200 н.э. [Salazar 2008: 274]. Отсутствие прямой преемственности между двумя традициями согласуется с предположением, что центр в верховьях Упано приобрел и сохранял значение в силу своего географического положения на путях обмена, так что резкие изменения этнокультурной ситуации могли приводить лишь к кратковременному упадку.